

Русский «Отелло» в Ковент-Гардене

...Первого февраля на сцене Королевской оперы Ковент-Гарден прошел последний в этом сезоне спектакль «Отелло» Верди, примечательный во многих отношениях. Все (!) главные партии в опере исполнялись русскими певцами (кстати, я стал свидетелем редкого случая: после очередного спектакля выразить свои благодарности и восторг за кулисы зашел посол России в Великобритании Анатолий Адамишин; однако представители всех российских средств массовой информации и на сей раз не покинули уютного журналистского паба на Флит-стрит), и у каждого из солистов с этой «немолодой» уже постановкой режиссера Ильи Мошински (со дня премьеры которой прошло уже восемь лет) связано нечто особое. Так, формально остающийся солистом московского Большого театра Владимир Богачев, исполнявший партию Отелло, замечательно дебютировал на сцене Ковент-Гардена, заменив англичанина Денниса О'Нила — неубедительного актера, забывавшего порой то музыку, то текст, — и просто «влюбил» в себя взыскательную публику Ковент-Гардена, известную своей придирчивостью к иностранцам. Заваню, что «доброжелательная» московская критика около десяти лет назад предрекла певцу... «творческую смерть». В одном только «присяжные» критики оказались правы: Владимир Богачев практически «умер» для Большого театра, успешно выступая в Метрополитене, Ла Скала и многих других оперных компаниях Запада...

А для Елены Прокиной (Дездемона) «Отелло» был последним спектаклем, спетым на сцене Марининского театра в Петербурге незадолго до ее ухода из труппы (несколько лет назад Ковент-Гарден «одолила» именно эту постановку «кирвоцам» на год в порядке «гуманитарной помощи»). Парнером Прокиной в том спектакле был легендарный Отелло — Пласидо Доминго, впервые посетивший Петербург специально для участия в этом спектакле.

Однако Яго Сергея Лейферкуса — это злодей, если можно так выразиться, получивший признание не только во всей Европе, но за океаном. Что касается моих личных впечатлений, то образ Яго, творимый Лейферкусом на сцене, порой заставляет меня вспомнить о колебаниях Верди — как лучше назвать оперу: «Отелло» или «Яго»... Не так давно Лейферкус пел Яго на сцене Ковент-Гардена в этой же постановке с Пласидо Доминго в заглавной партии; за дирижерским пультом стоял прославленный маэстро, сэр Джордж Шолти. Видеоозапись этого спектакля сейчас необычайно популярна в мире, имеет прекрасную критику и входит в «топ» лучших видеоопер. Фирма «Дойче граммофон» выпустила компакт-диски «Отелло» с Доминго и Лейферкусом под управлением дирижера Чунга (бывшего художественным руководителем парижской Оперы на Бастилии вплоть до недавнего скандала — которые так, увы, характерны для этого театра в последнее время). Опять-таки в той же самой постановке (правда, в другом оформлении, выполненном с учетом особенностей сцены Метрополитена), «в обличье» Яго и в дуэте с Доминго Лейферкус побывал на сцене Метрополитен-Оперы, где спектакль «Отелло» был приурочен к небольшому юбилею: двадцатипятилетию со дня дебюта Пласидо Доминго на сцене Метрополитена.

Обстоятельства сложились таким образом, что нынешним спектаклем Сергей Лейферкус встретил другой юбилей, на сей раз — свой собственный: 25 лет творческой деятельности на оперной сцене.

Начав свой путь с ленинградского театра Мукомедии, встретить юбилей (уверен — не последний) на сцене Ковент-Гардена... Бесспорно, здесь есть чем гордиться. Очутившись однажды в кабинете певца (разумеется,

с ведома хозяина), кроме многочисленных фотографий с теплыми и уважительными посвящениями певцу от коллег (в среди них — Сейжи Озава, Зубин Мета, Джордж Шолти, Пласидо Доминго, Риккардо Мути, Мирелла Френи, Кири Те Канава, Николай Гяуров) я заметил также внешне почти ничем не примечательный документ. При ближайшем рассмотрении обнаружилось, что это — благодарственное письмо за «счастье, доставленное выступлением в юбилейном концерте, посвященном 80-летию сэра Джорджа Шолти», написанное... принцем Уэльским Чарльзом.

По законам жанра, самое бы время поведать читателю, что «звезда Лейферкуса взошла...» — и так далее. Но «звезда» Сергея восходила очень постепенно: его карьера развивалась (как это, увы, нередко в России) не «благодаря», а «вопреки». Свою работу в опере в Ленинграде он начинал под дружное шипение коллег из-за кулис: «опереточный голос»...

В своем творческом становлении Сергей, думаю, многим обязан Юрию Темиранову, который в бытность свою главным дирижером Кировского, пригласил Сергея специально для «Войны и мира» Прокофьева и впоследствии сделал («на Лейферкуса» партии в хрестоматийных уже постановках «Онегина» (Онегин) и «Пиковой дамы» (Томский). Кроме того, в годы «застоя» Кировский театр не находил «излишним» существование камерной сцены — и опера-буфф Донизетти «Колоколчик» (так называемая «комедия с переодеваниями» — своеобразный бенефис для баритона, где на протяжении одного акта он предстает в четырех абсолютно различных обличьях, в том числе — и гротесковом шарже на оперного баритона), стала для меня одним из самых ярких воспоминаний о «советском периоде» в творчестве певца — так же, как и его блистательный Чичиков в «Мертвых душах» Щедрина.

Голос Сергея за последние годы

Отелло —
Пласидо
Доминго,
Яго —
Сергей
Лейферкус.

окреп, обогатился низкими, грудными тонами — «заматерел», как говорят вокалисты. Но самое, на мой взгляд, важное — это не то, что голос оперного артиста приобретает с годами, но то, что он не теряет. Лейферкус, начинавший свою карьеру как баритон безусловно лирический, рано научился свободному владению своим голосом (а иметь голос и владеть им — понятия далеко не равнозначные!) И как мало кто другой, Сергей может выразить любую эмоцию, любое движение души, прибегая лишь к тембрам, к краскам своего голоса. Поэтому вовсе неудивительно, что настоящим триумфом в его творческой судьбе стало выступление в партии Скарпия («Тоска» Пуччини). Английские газеты написали тогда (есть в английском языке такая идиома), что «Лейферкус в наши дни — единственный баритон, кому не были бы тесны ботинки непревзойденного Тито Гобби».

— Между прочим, это очень старая постановка, — вспоминает Сергей. — Шедевр Дзеффирелли бережно сохраняется в Ковент-Гардене и обновляется каждый год на протяжении вот уже двадцати шести лет. Я обожаю этот спектакль и, если можно так сказать, превосходно в нем себя чувствую!

— Но почему именно Скарпия? Ведь твой Рагонги, твой Онегин тоже отмечены критикой достаточно восторженно...

— Знаешь, я — баритон. «Душкатор» всегда будет объектом поклонения публики — даже столь аморальный тип, как Герцог в «Риголетто». И благородство Онегина никак не перевесит симпатий зала (да и самого Чайковского) к Татьяне. Я же, в силу особенностей своего голоса, обречен на амплу злодея. И здесь партия Скарпия дает мне широчайшее поле деятельности: я могу создавать образ, характер, — ведь, помимо того, что Скарпия одно из главнейших действующих в опере лиц, он исторически абсолютно реальная личность! Это необычайно будит фантазию; тем более, что нам, русским, за историческими примерами далеко ходить не надо...

Да, нам — русским — не надо ходить за историческими примерами — хотя бы потому, что нас они все равно ничему не учат. Я испытывал необычайную гордость, когда «наши» — народный артист России Сергей Лейферкус, взявшись за руки с другими исполнителями главных партий — Еленой Прокиной и Владимиром Богачевым, — в очередной раз выходили на поклон, вызывая нечто похожее на маленькое землетрясение: «холодная и чопорная» английская публика, когда ей что-то очень нравится, начинает, влобавок к аплодисментам, неистово колотить ногами в пол!

КИРИЛЛ ШЕВЧЕНКО

Лондон